

НЫНЕШНИЕ споры о классике на театре, столь бурно протекающие и в критике, и среди зрителей, во всяком случае свидетельствуют следующее: живую жизнь слова, произнесенного когда-то так, затем и о том, что оно оказалось говорящим с нами через пространство и время. Как читать классику? Крайние точки: одна — только так, как того хотел сам классик; другая — только так, как хочет интерпретатор. Спорят о правах и обязанностях последнего, с горячностью воодушевлением и страстями. Но скажите, кто и когда устанавливал со всей научной точностью и полнотой, что именно хотел сказать тот или иной автор? Пушкин трактовал Шекспира так, Белинский его же адал, а Толстой и вовсе по-своему.

Помимо того, известно, «сказал» и «сказалось» — разные вещи, и произведение судят более всего с точки зрения «сказалось». Но и тут разные люди в разное время читают — и вычитывают — у классиков разное: классика, помимо всего прочего, потому и классика, что она не однозначна. Разве «Найка» уже так ясна, что и думать далее не над чем? Разве есть окончательная литературоведческая установка по толкованию «Тихого Дона»? Разве Горький должен быть понят только так и никак иначе?

Но тогда — насколько возможен «отход» от классики (хотя, как мы видели, это понятие условно), или, другими словами, какова может быть степень субъективности? За кем признать «право» интерпретации, то есть прочтения?

На мой взгляд, это право определяется степенью таланта интерпретатора (которым является не только любой режиссер, но и любой критик любого времени, и прошлого и настоящего). Таланта, вбирающего в себя историзм мышления, нравственный идеал, горячее чувствование болевых точек бытия (в том числе и современности, находящей созвучие в истории), понимание духовной жизни человека, острое художественное видение и еще многое и многое. Дано — высказывайся по поводу прочтенного. Не дано, не состоялся пока — не делай ложных попыток. Судьи — зрелое, эстетически развитое общественное чувство и время.

Хорошо. Но при этом любой талантливый критик может отозваться о работе любого талантливого режиссера (возьмем только этот случай): позвольте, да это нигкуда не годится, ибо его прочтение классики не соответствует моему (хотя говорится иначе: «общепринятому»). И продемонстрирует свое. И, возможно, будет прав. Со своей позиции. За исключением слов «никуда не годится». Потому что режиссер, возможно, тоже прав. Со своей позиции.

А спор? Бесполезен? Неужен? Творческий спор, исклю-

чающий, разумеется, критическую брань и наивысшие ярлыки, необходим, когда он обнаруживает новую точность и вызывает к жизни новую глубину в понимании искусства и действительности.

Спорят в основном о столбчатых постановах. Но классика ставится и в провинции (имеется в виду, конечно, географический смысл этого слова), занимающей протяженное пространство, что соответственно играет свою роль в общем театральном процессе. Ничего не существует само по себе, в вакууме. Все взаимосвязано. И все рассчитано на зрителя.

свадьба состоится. Только жежнтся на Павле не младший, а старший Зыков, Антипа. Он весело, яростно, победоносно отбивает невесту у сына. Он сильный! А Миша слабый.

Пьеса Горького насыщена событиями и сюжетными словами. Однако театр — след за духом, а не буквой драматурга — более интересуют психологические сломы, ибо в них раскрывается философская природа этой, как и всякой другой горьковской вещи.

О большинстве действующих на сцене этого театра лири не скажешь: хороший или плохой. Живой — скажешь. Противоречивый, мучающийся — скажешь. Все

никий болевой порог. И вся прошедшая перед нами жизнь предстает порочной потому, что она загубила Мишу. Последнее объяснение этого Миши с отцом есть акт не просветления, а отчаяния, такого, когда оно уже и не отчаяние, а безнадёжность. Может быть, молодому актеру О. Бычкову следовало поискать здесь более точный рисунок роли, которую в целом он проводит остро и выразительно.

Горькое, сострадающее чувством по отношению ко всему хорошему, что так и не расцветает в этих загубленных людях, является живым итогом нашей встречи с классиком.

полноты или просто болтливости? Короче говоря, мы в конце концов принимаем его или нет?

Исследователь Горького Б. Бялик склонялся к последнему. Однако Ю. Юзовский, к которому мы уже обращались, проанализировав и сопоставив высказывания Мастакова и самого Горького, нашёл, что многие любимые свои мысли автор вложил в уста героя. (Кстати, иллюстрация к вопросу о «правильной» и «неправильной» трактовке классиков).

Главный режиссер Брянского театра В. Терентьев ставит первую половину пьесы как бы по Ю. Юзовскому, а вторую — по Б. Бялику. При этом, что линия поведения некоторых персонажей намечены любопытно, виден психологический поиск, общее звучание пьесы оказалось неясным, общий замысел — недостроенным и прежде всего из-за неясности главной фигуры. Показывая «странного интеллигента» со множеством внешних забавных черточек, артист В. Запороженко поначалу достаточно сложен. Однако как только Мастакова «бьют» — оппоненты, а также жизненные обстоятельства, он немедленно оборачивается фразером, мелким, никчемным человеком. О таланте, о мучительных размышлениях нет уже и речи. Развенчание героя? Но такое «развенчание» горьковского героя — уж во всяком случае фигуры значительной и неоднородной — задача не слишком благодарная, да и неинтересная.

В этом спектакле на первый план вышел образ жены Мастакова Елены — образ, вызывающий симпатию своей силой и цельностью. Однако актриса А. Корнилова несет эту цельность, как флаг, не проникая и не давая нам проникнуть во внутренний мир героини, а лишь демонстрируя результат. Не мы делаем вывод о духовной красоте и благородстве этой женщины, а нам его навязывают — через красоту и благородство поэт.

Неточное представление о драме жизни — драме идей, заключенной в пьесе Горького, неточная собственная позиция привели к приблизительному результату. Нет своего прочтения — и пострадал классик. Вот такая штука.

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ познакомили нас с интересными постановками классических произведений. Интерес двоякого рода: был урок успеха и урок неуспеха. Эти уроки еще раз дали ответ на вопрос, как читать классику. С уважением. В соответствии с масштабом произведения. Без той «отсебятины», которая мельничит, а то и вовсе «устраивает» классику. Читать так, чтобы зритель, нашему современнику, открывались новые и новые пласты неисчерпаемого богатства классики.

О. КУЧКИНА.

ИСПЫТАНИЕ КЛАССИКОЙ

Летние театральные гастроли в Москве

Этим летом Куйбышевский драматический театр показал во время московских гастролей «Зыковых» Горького. Брянский драматический театр показал его же «Чудак». Оба спектакля в какой-то степени симптоматичны для того — реального — положения, какое существует сегодня в нашем театре в его отношениях с классикой.

ДЕЙСТВИЕ «Зыковых» разворачивается в некоем объеме, напоминающем внутренность тарного ящика. А внутри и старинное бюро, и большой письменный стол, и ваза с рыжыми осенними листьями. Объявлен не только и не столько знак «дела» Зыковых. Объявлена обреченность всего происходящего в этом «тарном ящике» на вынос, на выброс. Спленеческая метафора, обозначающая мотня переходящего времени, переходящей данной жизни, есть единственная условность, которую позволял себе постановщик спектакля главный режиссер театра П. Монастырский. Все остальное будет вполне традиционным. Внешне. Сначала выйдет спокойная, уминая, владеющая собой Софья Зыкова (актриса В. Оттович), может быть, только в движениях рук да еще во взгляде проявится тревога или, вернее, напряжение: знает, что надо ждать тяжелого, дурного, и должна быть готовой к этому. За Софьей появится Анна Марковна (Е. Фролова), всем своим видом показывающая смирение и незаметность, но и желающая, чтобы ее заметили. И начнутся характеры, и возникнет атмосфера этой неестественной, ненормальной жизни, о которой мы скоро догадаемся, почему она предназначена на вынос.

Должна состояться свадьба. Младший Зыков, Михаил, женится на дочери Анны Марковны — тихой Павле. И

они ищут. Кто — счастье, кто — правду. Счастья хочет Антипа Зыков (Н. Михеев). Он из тех личностей, что крайне занимали писателя. Они были привлекательны тем, что — работники, устроители жизни, занимались «делом». И отталкивающие — собственническими инстинктами, хищнической природой «дела». Однако вовсе не Антипа, а безответная Павла (З. Александрова) с ее жаждой бога и доброты — явно или неявно? — приносит разрушение в дом Зыковых. Насколько мы можем судить, Горького беспокоила именно эта проблема — соотношения настоящего жизненного добра и «добра» христианского, вымученного, обращающегося в злом. Театр, так же как и автор, обвиняет Павлу, но не этот конфликтный узел занимает театр более всего.

Неожиданным и своеобразным центром спектакля становится Михаил. А между тем он идет менее других. И не потому, что вышел. А потому, что больше не верит. У Горького он — потерявшийся человек, не умеющий наследовать «делу», «выморочное поколение», расплата за грехи отца — что должно вызывать и сожаление, и досаду. В спектакле куйбышевцев он — единственный (за исключением Софьи, которая, однако, вызывает к себе скорее рассудочное, нежели эмоциональное отношение) нравственно точный человек. Ему нелегко стыдно за все происходящее с ними, за эту жизнь. Он уступает Павлу отцу не потому, что слаб, а потому что его оскорбляют дилеммы и низкие страсти, потому что «брегавля», как он говорит. Да, он не умеет бороться активно, но он и не жалеет делить с остальными заботы и доходы безразветного «дела» и в этом остается верным себе. Внутренняя чистота определяет его

ОБРАЩЕНИЕ к драматургии Горького есть всегда показатель серьезных намерений театра. Слишком непростая эта драматическая литература. «...сама ее форма представляет собой процесс осознания, осмысления коренных вопросов жизни и духа», — писал театровед Ю. Юзовский, — процесс, развивающийся на протяжении всей пьесы, перипетиях которой — это этапы постижения того, где находится правда и где справедливость, где искать друзей и кто враг». Горький писал жизнь и ее проблемы, какими знал их, писал крупно и щедро. Задача сегодняшнего исследователя на театре, то есть режиссера, — прочесть в этом богатом жизненном материале идейные линии, созвучные времени и обществу; иначе классика на театральной сцене жить не может.

Драма «Чудак» — из редко ставящихся пьес Горького. А перо сильное, страстное, характеры многогранные, проблемы реального существования суть основание проблем мировоззренческих. Писателя волновал вопрос: как и о чем говорить с читателем? Должны ли писательские слова следовать за действительностью со всем некрасивым и темным, что в ней есть, или задача творца — искать иное, что, может быть, еще не утвердилось, но в чем видны ростки осмысленной, честной и смелой жизни? Это — тема нескончаемого диспута между персонажами, один из которых — писатель Мастаков. Каков он — самое важное. Он обидел свою жену, изменил ей. В то же время в нем есть что-то детское, с его внутренней наивностью и впечатлительностью, в нем явно ощутимо художественное начало. Он много говорит. О своем понимании миропорядка, о своих сюжетах. Что это? Творческая пере-